

ДЬЯКОН АНДРЕЙ КУРАЕВ **Сказка о мудром Сталине,** **покаявшемся по молитве одного араба**

Сегодняшний миф, кочующий из одного церковного издания в другое, звучит так:

«Стояла зима 1941 г. Немцы рвались к Москве. Промыслом Божиим для изъявления воли Божией и определения судьбы страны и народа России был избран друг и молитвенник за нее из братской Церкви — Митрополит гор Ливанских Илия (Ан-тиохийский Патриархат). Он решил затвориться и просить Божию Матерь открыть, чем можно помочь России. Каждое утро владыке приносили сводки с фронта о числе убитых и о том, куда дошел враг. Через трое суток бдения ему явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет. „Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, — сдавать нельзя. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена“. Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им все, что было определено. И теперь хранятся в архивах письма и телеграммы, переданные митрополитом Илией в Москву. Сталин вызвал к себе митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел больше никакой возможности спасти положение... 20 000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия молилась тогда! Молился даже Иосиф Сталин (об этом есть свидетельства). Тогда же были открыты духовные семинарии, академии, возобновлена Троице-Сергиева Лавра, Киево-Печерская Лавра и многие монастыри. Было решено перенести мощи святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси в Богоявленский собор.

В 1947 г. Сталин исполнил свое обещание и в октябре пригласил митрополита Илию в Россию. Он побоялся не исполнить указания Божией Матери, ибо все пророчества, переданные владыкой Ливана, сбылись. Перед приездом гостя Сталин вызвал владыку Алексея, ставшего тогда уже Патриархом, и спросил: „Чем может отблагодарить митрополита Илию Русская Церковь?“ Святейший предложил подарить митрополиту Ливанскому икону Казанской Божией Матери, крест с драгоценностями и панагию, украшенную драгоценными камнями из всех областей страны, чтобы вся Россия участвовала в этом подарке. По распоряжению Сталина самые искусные ювелиры изготовили панагию и крест. Тогда же Правительство наградило его Сталинской премией за помощь нашей стране во время Великой Отечественной войны. От премии владыка отказался, сказав, что монаху деньги не нужны: „Пусть они пойдут на нужды вашей страны. Мы сами решили передать вашей стране 200 000 долларов для помощи детям-сиротам, у которых родители погибли на войне“, — сказал митрополит Илия... Всего несколько лет назад отошел митрополит Илия Ливанский ко Господу в возрасте 97 лет. В некрологе „Журнала Московской Патриархии“ было сказано, что Блаженнейший Патриарх Антиохии и всего Востока Илия IV был другом и молитвенником нашей Родины» (из неоднократно переиздававшейся статьи «Чудеса иконы Казанской Божией Матери»; см., например: Россия перед вторым пришествием. Т. 2. М., 1998. С. 269–274.

Увы, все это неправда. Конечно, трудно найти опровержения тому, чего просто не было. Если я сейчас скажу, что на самом деле Троцкого тайно постриг в схиму мой прадедушка, — кто и как сможет это опровергнуть? Такие сказки можно опровергать, только придираясь к частным и потому проверяемым подробностям.

Когда Ленинград был на пороге падения (зима 41-го) — Сталинград был в глубочайшем тылу, о его сдаче не было и речи.

Зимой 41-го немцы уже не рвались к Москве: их наступление заглохло еще в ноябре, и с конца же ноября уже начались контрудары советских войск, к пятому декабря переросшие в генеральное наступление.

Встреча Сталина с митрополитами действительно имела место. Но — когда?! Сказка о митрополите Илие предпочитает не

обращать внимания на эту подробность: «Митрополит поступил, как было велено, — передал все в советское посольство. Посольские сотрудники переслали в Москву соответствующий пакет. Через некоторое время Сталин принял у себя в Кремле делегацию Русской Православной Церкви» (*Поволяев В. По местам молитвенных подвигов митрополита Илии // Митрополит Илиа (Карам) и Россия. М., 2005. С. 125.*)

Так что же это за «некоторое время»? Оказывается, два тяжелейших военных года... Встреча эта состоялась в сентябре 1943 года, то есть уже после перелома в ходе войны. Есть подробная запись этой беседы — ни о каком ливанском митрополите и ни о каких пророчествах там и близко не говорилось (Записка Г. Г. Карпова о приеме И. В. Сталиным иерархов Русской Православной Церкви. Публ. в: *Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М., 1994. С. 283–291.*)

Сказка о покаявшемся Сталине гласит, будто «во время войны в Советском Союзе были открыты тысячи церквей. Сталин же после той встречи начал регулярно видеться с крупными российскими духовными лицами» (*Поволяев В. По местам молитвенных подвигов митрополита Илии // Митрополит Илиа (Карам) и Россия. М., 2005. С. 126.*). Тезис о регулярных встречах Сталина с православными иерархами не подтверждается фактами.

А вот открытие порядка нескольких тысяч церквей в годы войны — это правда. Надо лишь уточнить одну деталь: по какую сторону фронта открывались эти храмы. Вот цифры из секретной справки, составленной Г. Карповым 31 октября 1945 года:

«1) На октябрь месяц 1943 года ко дню образования Совета по делам Русской Православной Церкви действующих православных церквей на территории Союза было 9829. Из них открыто немцами в период временной оккупации нашей территории примерно 6500 церквей.

2) За 1944–45 года по Союзу поступило от групп верующих 6770 заявлений об открытии церквей (не считая повторных). По рассмотрении этих заявлений, их проверке, по заключениям обл (край) исполкомов Советом открыто за 1944–45 года 529 церквей. Из них: за 1944 год — 208 церквей в 48 областях, краях и республиках; за 10 месяцев 1945 года — 321 церковь в 64 областях, краях и республиках.

3) За тот же период времени отклонено ходатайств верующих об открытии церквей 4850. Находится на рассмотрении 1391 ходатайство. Таким образом, удовлетворено за 1944–45 года 9,8 % всех рассмотренных ходатайств.

4) На сегодняшний день имеется на территории Союза действующих православных церквей и молитвенных домов 10 358. Из них: в Украинской ССР — 6073; в РСФСР — 2606; в Белорусской ССР — 633; в Молдавской ССР — 615; в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР — 343; в остальных союзных республиках — 88. Церкви и молитвенные дома размещены весьма неравномерно. Самое большое количество находится в районах, подвергавшихся немецкой оккупации, где в период 1941–1943 годов имело место массовое открытие церквей. Винницкая область — 822 церкви; Киевская — 604; Ровенская — 438; Черниговская — 410; Полтавская — 347 и т. д. В ряде республик и областей количество действующих церквей незначительно. Например: Горьковская область — 24 церкви; Тамбовская — 17; Архангельская — 13; Астраханская — 11; Удмуртская АССР — 16; и т. д. Есть области и края, где действующих церквей всего имеется от одной до пяти (Приморский и Хабаровский края, Марийская и Мордовская АССР, Кемеровская, Курганская, Новосибирская, Омская, Саратовская, Томская и Читинская области)».

К людям, которые оставались под всецелым и непрерывным контролем советского агитпропа, не предполагалось донесение церковного слова. В итоге в Псковской области до прихода немцев было 3 храма, а к возвращению советских войск их было 200, в Курской области до немцев было 2, стало — 282; зато в Тамбовской области, где советская власть стояла неизменно, так и оставалось 3 храма на всю область.

Сталин не организовывал церковное возрождение: он его сдерживал. Нетрудно заметить, что в годы войны советская власть удовлетворяла менее 10 процентов обращений о возвращении храмов. Первые же храмы (числом в 18) было разрешено открыть только спустя почти полгода после встречи Сталина с митрополитами: постановлением Совмина от 5 февраля 1944 года. В Ульяновской же эвакуации с 1941 по 1943 год митрополит Сергей вообще вынужден был служить в бывшем католическом костеле. И в блокадном Ленинграде ни один храм

не был возвращен Церкви для молитв. Как-то мало это вяжется с образом Сталина, покаянно вразумленного пророчеством ливанского митрополита...

При этом в январе 1944 года председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Карпов представил в правительство проект закона «О положении Церкви в СССР». Однако закон так и не был принят. По оценке официального современного церковного издания, «сталинское руководство не хотело связывать себя письменными обязательствами с Церковью» (*Прот. Георгий Митрофанов, Беглов А., Васильева О., Чапнин С. Церковь и война 1941–1945 // Церковный вестник. М., 2005. № 8 (309)*).

В мае 1944 года Г. Карпов пишет: «Патриарх и епархиальные управления поставили перед Советом вопросы о возвращении некоторых „мощей“ и „чудотворных“ икон из числа находящихся в музеях.

Мнение Совета по этому вопросу отрицательное» (там же).

Никаких архивных публикаций в подтверждение версии о контактах Илии и Сталина не известно. «Журналы записи лиц, принятых И. В. Сталиным в 1924–1953 гг.», не упоминают о митрополите Илии как собеседнике Сталина (Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1994. № 6; 1995. №№ 2–6; 1996. №№ 2–6; 1997. № 1; 1998. № 4).

Но самое главное: как раз вскоре после приезда митр. Илии в Москву — в 1948 году — политика Сталина снова резко меняется и именно в антицерковную сторону. Вот даты: в июле 1948 года митрополит Илия второй раз был в Москве (первый раз — за полгода до этого, в декабре 1947). 25 августа 1948 года были запрещены крестные ходы из села в село, духовные концерты в храмах вне богослужений, молебны на полях. 28 октября Совет Министров постановил отменить прежде выданное им распоряжение об открытии 28 храмов под предлогом того, что оно не было подписано председателем Совмина И. В. Сталиным. Решение ЦК ВКП(б) по данному вопросу было разослано всем местным партийным организациям. 16 ноября 1948 г. Синод вынудили принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей. В сентябре 1948 года

Совет издал инструкцию, по которой священникам, имевшим судимость, запрещалось получать регистрацию. В конце 1949 года был запрещен крестный ход «на иордань».

Вплоть до смерти Сталина ни один новый православный храм не был открыт. Более того, в конце 1940-х — начале 1950-х годов храмы вновь стали отбираться под клубы и склады. В 1951 году при уборке урожая только в Курской области по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были на много месяцев засыпаны зерном. Стали преследоваться совершавшие религиозные обряды коммунисты и комсомольцы.

Пошла новая волна арестов наиболее активных священнослужителей. Например, в сентябре 1948 года был в седьмой раз арестован архиепископ Мануил (Лемешевский). Впрочем, и с 1947 по 1 июня 1948 года в СССР было арестовано 679 священников. (См.: *Назаров М. В.* Так не заслужить Божию помощь в борьбе за Россию. «Русский патриотизм» О. А. Платонова // Радонеж. М., 2003. № 4.) Вообще в соответствии с директивой МГБ и Прокуратуры СССР за № 66/241сс от 26.10.48 года все священнослужители, у которых кончился срок заключения, подлежали повторному аресту и пожизненной ссылке. В 1949 году по сводному отчету ГУЛАГа в советских лагерях каторжного режима сидели 3523 священнослужителя.

На 1 января 1952 года в стране насчитывалось 13 786 официально открытых православных храмов, 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. Но на 1 января 1949 года их было больше: 14 447 (а 20 000 их не было в СССР никогда).

Количество священников и диаконов за 1949–51 годы уменьшилось от 13 483 до 12 254, монастырей было 104, стало 62 (причем число монахов не изменилось: в 1946 году было 4362, стало 4639). Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей (статистика взята мною из замечательного исследования М. В. Шкаровского «Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве»).

Как видим, сталинская политика в отношении к Церкви знала два перелома. Сегодня чаще вспоминают добрый перелом: 1944-го года. Но «православные сталинисты» (холодок не идет по спине от такого их самоназвания?) не замечают нового ледникового периода, начавшегося со второй половины 48 года.

После войны перед Церковью была поставлена уже вполне сознательно четкая политическая задача. Началась холодная война, в которой Ватикан безусловно выступал на стороне Запада. В этих условиях Сталину пришла в голову вполне разумная мысль: нам нужен свой, «православный Ватикан», чтобы в очередной раз создать зеркальную ситуацию: у вас — атомные бомбы и у нас — атомные бомбы, у вас — Ватикан и у нас — Ватикан. И Москва должна была стать таким православным Ватиканом, вторым Римом. 1 сентября 1946 года сотрудник ОВЦС М. П. Шварев писал председателю Совета по делам РПЦ Г. Карпову: «В настоящее время, когда на международной арене идет ожесточенная международная дипломатическая борьба... Русская Церковь должна трезво, с сознанием своей силы, подойти к делу организации блока Православных Церквей и превращению Московской Патриархии во „второй Рим“» (ГАРФ. Ф. 6991, оп. 2, д. 35, л. 235. Публ. в: *Бубнов П. В.* Русская Православная Церковь и Всемирный Совет Церквей: предыстория взаимоотношений в 1946–1948 гг. // Труды Минской Духовной Академии. Жировичи, 2005. № 3. С. 84). В начале того же 1946 года в докладе прот. Григория Разумовского, прошедшем правку и утверждение у Патриарха Алексия и Г. Карпова, говорилось: «Концентрировать внимание всего православного мира к Русской Православной Церкви и довести ее значение до степени первенствующей Православной Церкви, а святой Москвы — до значения „Третьего Рима“» (ГАРФ. Фонд 6991, оп. 2, д. 35, л. 37 // Там же. С. 81).

Предпосылки для этого были: советские танки стояли почти во всей православной Европе. Сербская, Албанская, Болгарская и Румынская Церкви были под коммунистами, чешские и польские православные — также. Израиль тогда был союзником Советского Союза, поэтому Иерусалимский Патриарх был доступен московскому влиянию. Арабские патриархаты — Антиохийский и Александрийский — малочисленные и потому традиционно чувствительные к материальным подаркам, также готовы были голосовать как надо.

В Греции шла гражданская война, и была надежда, что вот-вот коммунисты победят, поэтому Греческая Церковь тоже, скорее всего, была бы с Советским Союзом. Единственная проблема оставалась с Турецким Патриархатом, который назы-

вается Константинопольским Вселенским. И вот именно это в конце концов не сработало. В Москве в 1948 году предполагался созыв VIII Вселенского Собора. И епископы Константинопольского Патриархата приехали на этот собор, но они отказывались принимать в нем участие. Они сказали, что приехали на празднование юбилея Русской Церкви (500 лет автокефалии): «Это мы будем праздновать — автокефалия получена от нас, вы наша дочерняя церковь», но даже не заходили в зал собора. На службы ходили, на банкеты ходили, на церковные заседания собора не заходили. Поэтому собор не состоялся. Пришлось назвать его архиерейским совещанием, конференцией — и не более того.

Не удался прорыв и на экуменическом фронте. Главным условием вступления Русской Церкви во Всемирный Совет Церквей было отстранение от экуменических контактов любых эмигрантов, не связанных в Московской Патриархией.

Экуменические деятели, уже многие годы поддерживавшие тесные рабочие и человеческие отношения с парижскими богословами, ультиматум отклонили. Тогда московское совещание 1948 года и объявило интеграцию православных Церквей в ВСЦ несвоевременным (но не еретическим!).

И Сталин, поняв, что в глобальной политике церковный ресурс он использовать не сможет, резко охладел к церковным делам.

Циничный прагматизм сталинской церковной политики в конце войны и легкий переход к новым гонениям в 1948 году говорят о том, что никакого мировоззренческого кризиса, обращения, возврата к вере у Сталина не было. Если бы и в самом деле он знал, что по молитвам арабского митрополита Богоматерь дала ему победу в безнадежной ситуации — то он себя не так бы вел в предсмертные свои годы. Так что вышеизложенный сюжетный ход просто психологически невозможен.

Митрополит Ливанский Илия (Карам) действительно существовал (правда, он никогда не был антиохийским патриархом, за которого его выдает прот. Василий Швец. Патриарх Илия IV, скончавшийся в 1979 году, носил фамилию Муадуад (Журнал Московской Патриархии. 1979. № 10).

Илия (Карам) действительно приезжал в Москву в 1947 году (В интересующем нас апокрифе говорится: «Утром 9 ноября

митрополит Илия служил Литургию в кафедральном Никольском соборе. В храме на солее стояли члены правительства. Мы насчитали 42 человека... На Московском вокзале его сопровождал Косыгин...» На самом деле м. Илия прилетел в Россию 14 ноября (ЖМП. 1948. № 1. С. 45). В Ленинград он приехал 25 ноября. ЖМП с охотой упоминает всех официальных лиц (включая председателей райисполкомов), если они хоть как-то прикоснулись с церковной жизнью. Никаких Косыгиных и «членов правительства» в отчетах ЖМП не фигурирует. Это уже «бабушкин телефон» — переводчиков и шпииков за министров принимать).

Действительно, ему делали бесценные подарки (ему дарили иконы XIV века!), но никакой Сталинской премии присуждено ему не было (единственный священнослужитель, удостоенный этой премии, — хирург и Симферопольский архиепископ Лука Войно-Ясенецкий). Подарки же — и денежные, и в виде предметов церковной русской старины — делались в те годы всем знатным церковно-иностранным гостям.

Письменно зафиксированных рассказов митр. Илии об этих событиях также нет.

О том, что никакой встречи митр. Илии со Сталиным не было, свидетельствует и история с барельефом И. В. Сталина, сведения о котором сохранились в нескольких письмах 1948 г. Патриарха Алексия Г. Г. Карпову и его заместителю С. К. Арапову.

10 января 1948 г. Патриарх Алексей писал Г. Г. Карпову: «Меня несколько смущает следующее обстоятельство: как-то неудобно, что барельеф И[осифа] Вис[сарионовича] на Ливанском кедре до сего времени не передан по назначению, между тем как прошло уже без малого 4 недели со дня отъезда м[итрополита] Ильи Карама. Как поступить с этим делом?» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–1 об.). 4 марта: «Глубокоуважаемый Сергей Константинович [...] Я все еще не писал Караму о судьбе его подношения И[осифу] В[иссарионович]у. А между тем мы условились с ним, что я ему пришлю т[елегра]мму о том, что его барельеф вручен по назначению, и он, конечно, ждет благодарности от И[осифа] В[иссарионовича]. Конечно, он имеет намерение эту телеграмму использовать в духе его заявлений или интервью. И вот он, бедный, ждет этой телеграммы и

всё ее не получает... Очень бы желательно мне с этим развязаться поскорее» (Там же. Л. 8–8 об.).

Несомненно, если бы встреча имела место, митрополит Илия не преминул бы вручить лично свой подарок. Интересно также, что Патриарх Алексий желает «развязаться поскорее» с тем, в чьих молитвах, письмах и подарках ныне предлагается видеть вершителя судеб России. В дневниках и письмах патриарха Алексия, равно как и его секретаря Д. Остапова, митр. Илия как молитвенник и спаситель России не упоминается (см.: *Гнутова С. Наперсная панагия Илии Карама // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 144–146.*)

Повесть об арабском митрополите, вразумившем русского тирана, — это народная сказка. И в таком качестве она чрезвычайно интересна. Удивительно: в послевоенные годы и в самом деле была книга «Сталин в сказках народов мира». Книга была фальшивкой от начала до конца: московские писатели сочиняли по заказу от имени «народов мира». А тут появились самые настоящие народные сказки о Сталине (и не одна: есть еще сказка о том, что Сталин тайно ездил каяться к блаженной Матронушке Московской) — а их сегодня печатают как самые доподлинные были...

Например: «Мало кто знает о встрече митрополита Илии со Сталиным. Некоторые подробности об этом я услышал из уст одного из внучатых племянников покойного митрополита Гор Ливанских — Мишеля Карама. Мишель до сих пор неплохо говорит по-русски, хотя и нет практики. В свое время закончил Московский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. С его слов, Илия опоздал на встречу со Сталиным. На целый час. „Он, например, должен был встретить дядю в 5 часов, — слегка путаясь в русских словах, рассказал Мишель, — но Илия пришел в 6 часов. Ему сказали: «Почему опоздали? Сталин очень переживает». Дядя ответил: «Я сначала хотел поставить розу на могилу его матери, почтить память женщины, которая родила такого мужчину». Узнав об этом, Сталин улыбался и не ругал. Поцеловал дядю, и они хорошо поговорили“» (*Ростовцев И. Рукоять меча Божьего // Наш современник. М., 2001. № 6.*)

Другая версия этого рассказа: «В один из приездов в Россию он сходил помолиться на могилу матери Сталина. Прослы-

шав об этом, Сталин пригласил его к себе: „Почему ты это сделал?“ — спросил он. Митрополит, по его словам, ответил, что любит Деву Марию и знает, что мать Сталина тоже любила ее. И Сталин подарил ему икону Девы, которая принадлежала его матери. Митрополит привез ее в Ливан и повесил над кроватью в своей спальне. Я сам ее там видел» (Епископ Илия Наджен о митрополите Илие // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 34.).

Ну а теперь горькая правда: «Мать Сталина умерла 4 июня 1937 г. Похоронена возле церкви Святого Давида на горе Мтацминда в Тбилиси». Так что никак не мог митр. Илия, будучи в Москве, заглянуть на могилу к матери Сталина. Даже редакторы сборника «Митрополит Илия (Карам) и Россия» сочли возможным пропустить требования научной совести на страницы своего детища — в виде примечания: «Факт пребывания митрополита Илие в Тбилиси, где похоронена мать Сталина, и тем более личной его встречи со Сталиным, достоверного подтверждения не имеют» (с. 34). И тем не менее рассказ Илие о своих собственных видениях и встречах (как с Божией Матерью, так и со Сталиным теперь уже преподносятся в этом же издании как «церковное предание»: «По церковному преданию и со слов митрополита Илие...» (Гнутова С. Наперсная панагия Илие Карам // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 140).

Митрополит сам создавал апокрифы про себя... Это, конечно, странно, но вполне в его стиле. Например, он придумал для себя титул «митрополит Ливана». И это при том, что в столице Ливана — Бейруте — был свой митрополит. Все так: «митрополит Гор Ливанских» и «митрополит Ливана» — не одно и то же.

Вообще в его жизни есть немало моментов, не позволяющих видеть в нем чистого православного мистика. В 31-летнем возрасте «Архимандрит Илия сам выставил свою кандидатуру в митрополиты» (Митрополит Илия и его адвокат Адиб Мужаэс // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 49.). Кстати, в 1941 году ему было 38 лет. О своих духовных подвигах в этом возрасте он рассказывал сам: «Митрополит Илия в ответном слове сказал о своей любви к русскому народу, о своих горячих молитвах за него...» (Журнал Московской Патриархии. 1948, № 1). Его можно назвать умелым дипломатом — если под

этим понимать умение подлаживаться под обстоятельства и политические режимы. В 1947 году митрополит Илия посетил Мавзолей Ленина, а 16 ноября говорил самые теплые слова о Сталине: «Мы, православные, живущие на Востоке, твердо верим и знаем, что русский народ, сплотившись вокруг своих вождей и под верховным водительством мудрого и любимого Иосифа Виссарионовича Сталина, достиг и достигнет небывалого еще в мировой истории могущества и расцвета... Мы твердо верим, что ваша Святая Церковь наслаждается полным миром и спокойствием, с каждым днем развивая все более и более свою многополезную деятельность на церковно-общественной ниве. И все это она может делать, благодаря чуткому, внимательному отношению к ней со стороны Советского правительства» (Журнал Московской Патриархии. 1947, № 11. С. 30 и 1948, № 1. С. 50–51). И что — считать такие слова словами «избранника Божия»? Понятно, что человек со столь гибким языком не мог остаться в стороне от экуменического проекта.

Отец Василий Швец, конечно, не выдумал сказку о митрополите Илие. Ведь она имеет свою ливанскую версию. Но ведь не от русского же протоиерея узнал ливанский епископ, будто «в 1947 году митрополит Илия по приглашению Сталина посетил Россию, где был принят с царскими почестями» (Епископ Илия Наджен о митрополите Илие // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 41). Значит, и русская и арабская версия этой легенды восходят к одному источнику — к мифу, который митрополит Илия сам создавал о себе.

Легенда об Илие, вразумившем Сталина, небезобидна. В ней есть нечто обидное для русского народа — того самого народа, за который Сталин поднял свой знаменитый тост в победном 1945-м. Ее резюме предполагает, что ничего-то эти русские не могут: даже молиться о себе самих. Да неужели трехдневная молитва арабского митрополита была горячее, чем четырехлетняя молитва русских мужиков и баб? А тысячи русских священников, в те же сороковые годы тянувшие свои лагерные срока? Они что — там и тогда не молились о своей стране? Но и их молитва, оказывается, ничего не значила: все произошло вдали от России.

«22 июня 1941 года глухой ночью Гитлер напал на Советский Союз. Он рассчитывал на блицкриг. Но не тут-то было. В июне 1941 года Антиохийский патриарх Александр III обратился ко

всем христианам мира с призывом помочь России. Митрополит Илия, прослушав выступление патриарха по радио, спустился в подземную церковь и начал молиться» (*Поволяев В. По местам молитвенных подвигов митрополита Илии // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 123.*). Вот — исток нашей Победы ее движущая сила... Не выступи по радио арабский патриарх, и не устояла бы Русь...

Духовная победа крадется у русского народа и даруется куда-то на экспорт (аналогичен миф, распространяемый рериховскими кружками: из него следует, что победа в Армагеддоне была одержана благодаря духовному подвигу индийских йогов — Николая и Елены Рерих). Кроме того, очевидная нелепость этого «церковного предания» даст повод неверам думать, будто и другие церковные верования столь же неосновательны. И тут уже то, что казалось замечательным проповедническим средством, обернется орудием разрушения веры.

Церковная официальная пресса молчала, не опровергала устойчивый миф о том, что духовник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кирилл (Павлов) и есть «тот самый» сержант Павлов, герой Сталинграда. Не встречая сопротивления — красивая сказка росла (еще один пример такой растущей сказки: «Жуков поднимал армии в атаку с кличем „с Богом!“» (*Поволяев В. По местам молитвенных подвигов митрополита Илии // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2005. С. 127.*). Дочь Жукова Мария решалась сказать, что отец лишь тихо произносил при начале операции — «С Богом!», а теперь, оказывается, это был богатырский клич...). И дошла до семьи сержанта Павлова: «Наши ребята видели в Москве афишу, где было написано, что, мол, отец Кирилл из Троице-Сергиевой лавры и есть Яков Павлов. Мама моя, Нина Александровна, от всего этого слегла, ее парализовало», — говорит сын Якова Павлова о последствиях этой, казалось бы, доброй сказки. Так могут калечить сказки, выдаваемые за историческую быль. (См.: *Карпов В. Сержант Павлов не уходил в монастырь // Труд. 15 мая 2003.*)

Еще одно столкновение реальной войны и мифа: «В „АиФ“ № 18 с. г. была опубликована статья Марии Март „С иконой — к победе“, где автор заявляет, что штурм Кенигсберга удался лишь благодаря чудотворной силе Казанской иконы Божией Матери. Как непосредственный участник тех событий, утверждаю: это не

соответствует действительности. Командующий 3-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский сосредоточил там войска четырех общевойсковых армий (свыше 137 тысяч человек), около 52 тысяч орудий и минометов, 538 танков и самоходных орудий, а также 2400 самолетов. Превосходство наших войск над противником было многократным, ни о каком ожидании нашего „страшного поражения“ не могло быть и речи. Сигнал к началу общего штурма Кенигсберга был дан не после того, как в результате применения иконы „стрельба с немецкой стороны резко прекратилась, словно оборвалась“. Огонь с немецкой стороны прекратился „лишь тогда, когда наши войска с немалыми потерями преодолели сопротивление врага и полностью овладели городом“. Петр Кириченко, кавалер 6 орденов и 19 медалей, в том числе медали „За взятие Кенигсберга“» (Аргументы и факты. 2004 г. Сентябрь. № 35).

Самое же главное чудо сороковых годов очевидно и неоспоримо: наша Родина выстояла и победила. Как сказал маршал Язов: «Войну выиграли безбожники, но с помощью Божьей».

О. ЕВСТАФИЙ (ЖАКОВ)

Он был верующим...

<Из интервью настоятеля Церкви Петра и Павла с Знаменка Ленинградской области иеромонаха Евстафия (Жакова) газете «Завтра», 2009 г.>

Сталин теперь — в одной из церквей. В той, что за Стрельней, близ Петербурга. На иконе. В своей простой шинели, в какой его запомнили миллионы советских людей, смотрит на вас задумчивыми и глубокими глазами из-под густых бровей. Рядом с ним святая Матрона Московская с нимбом вокруг головы осеняет красного цезаря крестным знаменем.

Корр. Отец Евстафий, а как вообще возникла идея создать такую икону?

О. Евстафий. Вы знаете, у нас в России полководцы часто благословлялись монахами, блаженными, юродивыми. Вот, например, преподобный Сергей Радонежский благословил полководца Дмитрия Донского на битву. И битва была выиграна. То же самое произошло в Москве осенью 41-го года. Блаженная